

В. Г. БОЛДЫРЕВ

<«Я редко видел человека столь быстро загоравшегося и так же быстро гаснувшего после спокойного отпора его натиску»>

Омск — Вагон. 14 октября.

Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока, который, кстати сказать, он считает потерянным, если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго.

По мнению адмирала, на Дальнем Востоке две коалиции: англо-французская — доброжелательная, и японо-американская — враждебная, причем притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, экономическое завоевание Дальнего Востока идет полным ходом.

Очень неодобрительно относится Колчак к деятельности «атаманов», особенно Семёнова и Калмыкова.

Колчак объяснил цель своего приезда желанием пробраться на юг к ген. Алексееву. Он был будто бы крайне разочарован Востоком*. <...>

Омск. 27 октября.

На обычный утренний доклад Розанов прибыл с Колчаком. Оба они определенно настроены, по-видимому, не без участия «священного союза»**, в пользу постепенного сокращения Директории до одного лица. Однако мне быстро удалось вернуть их к действительности и доказать, что уход левого крыла Директории теперь будет весьма

* До сих пор я знал Колчака лишь как решительного, талантливого моряка и реформатора наиболее косногого из министерств царского времени — морского. Никакого предубеждения у меня в отношении Колчака совершенно не было, и я вполне искренне стремился задержать его для работы в Сибири.

** Так назывался среди членов Директории омский национальный блок, только что сорганизовавшийся.

болезненным и вызовет осложнение с чехами, что, в связи с ростом большевизма и в стране и на фронте, может погубить дело возрождения России. <...>

Омск. 29 октября.

Вечером вместе с Колчаком опять явились ко мне Жардецкий¹, Лопухин² и представитель рабочих Атаманской станицы. Идут ва-банк, намекая на упразднение Директории и сохранение одного Верховного главнокомандования, которое они считают единственным приемлемым решением Уфимского Государственного совещания.

Омск. 30 октября.

Утром вызвал Колчака. С ним приехал и Степанов. Около получаса говорил с Колчаком, указал ему на некоторую опрометчивость его заявления, идущего вразрез и с постановлением Административного совета. Он не сказал ни да, ни нет.

Придумано ловко. Административный совет хотел провалить Роговского через Колчака, добросовестно ломившего напролом в этом вопросе. Когда я ему разъяснил письменное решение Административного совета, он понял свое заблуждение и не находил другого выхода, как вновь собрать Административный совет, и, если совет останется при прежнем решении, он, Колчак, подчинится дисциплине, оставаясь непреклонным противником Роговского.

Я позвонил Вологодскому и просил собрать Административный совет.

Вошел Виноградов и с волнением заявил, что военные круги и «музы» (Жардецкий и К°) прочат Колчака диктатором.

В общем, неразбериха. <...>

Омск. 31 октября.

Колчак опять волнуется по поводу Роговского и совершенно извел бедного Н. Д. Авксентьева. Наскучил и мне — сначала просил, чтобы я назначил его только временно Управляющим военным министерством, затем снова соглашался быть полноправным министром.

П. В. Вологодскому пришлось созвать Административный совет, постановление которого заставило, наконец, несколько успокоиться Колчака. Очень нервный и неустойчивый человек. Грэвс³ предупреждает из Владивостока, что с ним будет немало хлопот. <...>

Омск. 5 ноября.

Утром были с докладами Колчак, Степанов, Дембе⁴ и Розанов.

Колчак кипел негодованием по адресу Иванова-Ринова, Белова и Матковского. На двух последних он обрушился за «саботаж» его комиссии

о военных округах, к слову сказать, довольно бестактно и бестолково составленной и, что хуже всего, моим именем.

«Железный» характер после сетей Михайлова и «девяти муз» попал в обработку и к окружникам (состав б. Омского Военного Округа) во главе с ген. Дембе.

Много было в горячей речи Колчака одностороннего пристрастия и довольно ложной прямоты. Я редко видел человека столь быстро загоравшегося и так же быстро гаснувшего после спокойного отпора его натиску. Хлопот с ним будет немало. Колчак категорически против прибытия японцев на наш фронт. Он считает это гибелью родины...

Поезд. 16 ноября.

Из длинного разговора с Колчаком я еще более убедился, как легко поддается он влиянию окружающих. Мое поведение в связи с выходкой Гайды, видимо, резко изменило то настроение, с которым он вошел в мой вагон. Он уже соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он — или очень впечатлен, или хитрит. <...>

Омск. 21 ноября.

Колчак скоро пришел в кабинет, слегка волновался. Он в новых адмиральских погонах. Друзья позаботились. Мое запрещение производства ликвидировано, и адмирал сразу получил новый чин «за заслуги».

Я спокойно заявил, что при создавшихся условиях ни работать, ни оставаться на территории Сибири не желаю. Это было большой ошибкой с моей стороны. Я дал выход Колчаку. Он горячо схватился за эту мысль как временную меру, и называл даже Японию или Шанхай.

Колчак очень встревожен враждебными действиями Семёнова. Тому хотелось видеть диктатором Хорвата, Деникина, или даже Дутова.

В дальнейшем разговор коснулся трудности общего положения; я заметил Колчаку, что так и должно быть. «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему может погубить не только вас, но и дело, начатое в Сибири».

Адмирал вспыхнул, но сдержался. Расстались любезно. Теперь все пути отрезаны — итак, отдых.

Омск. 24 ноября.

Сегодня по телефону Колчак просил меня заехать к нему. Из ставки сначала не хотели было прислать автомобиля; Гуковский⁵ дал им хороший урок.

Опять отменная вежливость. Колчак просил сообщить ему: к кому и с какими задачами были посланы за границу Савинков и Лебедев? Я, по возможности, удовлетворил его естественное любопытство.

Гуковский уверяет, что из разговоров в Ставке он убедился, что меня хотели оставить или Верховным главнокомандующим, или военным министром, но после моего разговора с Колчаком это сделалось невозможным.

Омск. 28 ноября.

Около часа был у Колчака и прямо спросил его: «Это от вас исходит странное предупреждение о необходимости, ввиду моей личной безопасности, сегодня же выехать, или это работа вашего штаба вашим именем?»

Колчак, — не знаю искренне или нет — забеспокоился, что ему ничего не известно, что он ничего не имеет против отсрочки отъезда, что это, вероятно, недоразумение.

Однако едва я приехал домой, Колчак попросил меня к телефону и сообщил, что ему доложили о каких-то событиях, которых он допустить не может, а потому было бы лучше не откладывать отъезда.

